Е.В.Тарасова

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОЙ ПОЗИЦИИ МАКСИМА ГРЕКА

Одним из наиболее важных источников наших сведений о языковой позиции Максима Грека являются свидетельства о его деятельности по исправлению церковнославянских текстов. Приехав в 1518 г. в Москву из афонского монастыря Ватопед с целью создать ряд новых переводов с греческого (преимущественно толковых текстов), Максим, помимо переводов, занимался справой традиционных богослужебных текстов, сверяя их с греческими, так как считал, что церковнославянские переводы неточны из-за плохого знания первыми переводчиками греческого языка или же вследствие неграмотности славянских переписчиков книг.[I)]

[I)] В исправляемые тексты Максим вносит грамматическую, лексическую, реже - орфографическую правку. Известен ряд рукописей, собственноручно исправленных Максимом: славянская "Псалтырь" к. ХУ в. (ГБЛ, ф. 304 , № 315); сборники сочинений Максима (ГБЛ, ф. 173,№ 42; ГБЛ, ф. 173 III, № 138; ГБЛ, ф. 37, № 285 - относятся к 40-50 гг. ХУI в.; ГБЛ, ф. 256, № 264 - относится к 1551-1555 гг.);"Беседы Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея", переведенные в 1523-24 гг. Максимом и его учеником троицким монахом Селиваном (ГБЛ, ф. 98, № 920);"Лествица" Иоанна Лествичника (10-20-е гг. ХУI в. ГПБ, Солов. № 286/306); предположительно, глоссы, принадлежащие Максиму, есть в списке"Толковых пророков"к. ХУ в. (ГПБ, F. I. 460); Максиму принадлежат также глоссы в списке"16 Слов Григория Богослова" (к. ХУ - нач. ХУI в., Научная библиотека им. А.М.Горького, МГУ, 2 Сі 95). Кроме того, рукой Максима сделаны маргинальные славянские глоссы к переписанной им греческой"Псалтыри"

Сам Максим так пишет о своей справщицкой деятельности в "Слове отвещательном об исправлении книг русских " (написанном ок. 1540 г.): "прилежне и всяким вниманием и Божиим страхом исправливаю их (церковнославянские книги - Е.Т.), в них же растлешася, ово убо от преписующих, их ненаученых сущих и неискусных в разуме и хитрости грамотикийстей, ово же и от самех исперва сотворших книжный превод приснопамятных мужей, речет бо ся истинна: есть негде неполно разумевших силу еллинских речей и сего ради далече истины отпадоша, еллинская бо беседа много и неудобь разсуждаемо имать различие толка речений; и аще кто недоволне и совершенне научился будет яже граматикии, и пиитики, и ритории, и самыя философии не может

(1540 г., ГПБ, Соф. № 78). "Псалтырь" была переписана по просьбе ризничего тверского Отроча монастыря, куда Максим был сослан после собора 1531 г., Вениамина. По этой "Псалтыри" Максим, по-видимому, обучал Вениамина греческому языку, переводя с помощью глосс наиболее трудные или традиционно неверно переводимые, по мнению Максима, греческие формы. В 1525 г. Максим совместно с Михаилом Медоварцевым исправил список "Цветной Триоди" (ГИМ, Щук. № 329) по греческой "Триоди" митрополита Фотия, о чем свидетельствует запись на л. 231 об. славянского текста. Греческий текст, по которому производилось исправление, также хранится в Историческом музее - Синод. греч. № 284 (462). Исправление "Триоди" имело большое значение для последующей судьбы Максима: оно было поставлено ему в вину на соборах 1525 и 1531 гг. как еретически искажающее богослужебный текст (см.: Покровский, 1971, с. 126, 90 и др.).

прямо и совершенно ниже разумети писуемая, ниже преложити я на ин язык". (Сочинения Максима Грека, III, с. 62).

Правка, вносимая Максимом в церковнославянские тексты, во многих случаях вызывала протесты русских книжников, отстаивавших традиционные чтения. Один из эпизодов языковой полемики вокруг справщицкой деятельности Максима Грека связан с исправлением Максимом "Символа веры".

Ученик Максима Грека Зиновий Отенский в трактате 1566 г. "Истины показание к вопросившим о новом учении" следующим образом отвечает на вопрос крылошан о внесенном Максимом Греком исправлении: Максим действительно изменил чтение последнего члена "Символа веры" "чаю воскресения мертвым" на "жду воскресения мертвым", и побудила его к тому "ересь безбожная" (по-видимому, речь идет о ереси жидовствующих). Еретики, продолжает Зиновий, "умыслиша лукавство на святое исповедание веры, еще и первое народную речь потрясающе, введоша ново, рекуще, еже "чаю" неизвестну слову быти, "чаемое" или будет или не будет. Хотяше же и пророчество о Христе Иаковле[2] потворити сотониным умышлением повинницы его. Преже же ерести тоя вси людие русстии имеяху известну речь сию, еже "чаю" и якоже в народех, такоже и в вельможах, и не слышася двоемысленну быти слову тому, еже "чаю" паче тверда бе... И еже "упование", то же и "чаяние", то же и "надежа"... И якоже в писании, и во общей речи "чаемое" твердо и известно, рекше "уповаемое". Преже еретического лукаваго умышления и якоже в народех, такоже и в вельможах един разум "чаяние" - "твердое

---

2) "Не оскудеет князь от Иуды и вождь от бедру его, дондеже убо приидет, емуже щадимо есть и той чаяние языком" (Быт. 49, 10).

упование" имеяшеся. Но понеже христоборныя ереси вельможи превратиша частостию речи слово "чаяние" в безнадеждие, множицею же и часто глаголемо, вообычаися тако ненадежно "чаяти" вельможам... Максим прииде из Святыя горы семо, слово оное лукавое вообычаися во всех вельможах: "чаяние" - "неизвестна надежа", и Максим навык от вельмож, такоже слово прият глаголати, понеже языка нашего и еще не до конца навыче, и указая непреложное Божие завещание воскресения мертвым, рече: "жду воскресения мертвым" - по общей речи. "Чаяние" бо от христоборных вельмож яко двоемышлено внесено в народ, сего ради Максим "жду" глагола, а не по книжней речи глагола вместо "чаю" - "жду". Мняше бо Максим, по книжней речи у нас и обща речь. Мню же и се - лукаваго умышление в христоборцех или в грубых смыслом, еже уподобляти и низводити книжныя речи от общих народных речей. Аще же и есть полагати приличнейши, мню, от книжных речей и общия народныя исправляти, а не книжныя народными обезчещати." (Зиновий Отенский, 1863, с. 965-967).

Другими словами, Максим усвоил от неких вельмож-еретиков новейшее и, по мнению Зиновия, произвольное значение глагола "чаяти" как "иметь нетвердую надежду", быть неуверенным в ожидаемом событии; в соответствии с таким пониманием значения глагола "чаяти" еретики толковали указанные Зиновием контексты из "Символа веры" и кн. "Бытие": "чаю воскресения мертвым" и "той есть чаяние языком" - в неправославном смысле, считая "чаемое" событие желательным, возможным, а не непреложным. С целью восстановления ортодоксального смысла члена "Символа веры" Максим заменяет в нем глагол "чаяти", значение которого он усвоил от еретиков-жидовствующих на "ждати". При этом, по

мнению Зиновия, Максим отступает от "книжной речи" в пользу "общей народной."

Как следует из рассуждения Зиновия, трактовка глаголов "чаяти" и "ждати", предложенная еретиками, вполне приемлема с точки зрения Максима Грека, тем более, что это подтверждает и сам Максим в "Сказании о еже како подобает известно блюсти исповедание православныя веры": "Сию жизнь безконечную Иисуса Христа жду по гречестей пословице, а не чаю; жду - рекше - твердою и несумненною верою уповаю получити," - писал Максим. (Сочинения Максима Грека, III, с. 58-59).

Итак, Максим отказывается от традиционного церковнославянского чтения, как от неадекватного по смыслу, и заменяет его на чтение с глаголом "ждати", в семантике которого он усматривает уверенность в ожидаемом событии, почему, следовательно, данный глагол, по мнению Максима, более адекватен греческому оригиналу, нежели традиционный перевод глаголом "чаяти".

Протест Зиновия вызывают два аспекта в правке Максима: во-первых, неверно, по Зиновию, понимание семантики глаголов "чаяти" и "ждати" у Максима, и, во-вторых, нежелательно введение в "Символ веры" менее книжного варианта (т.е. нежелательна замена более книжного глагола "чаяти" на менее книжный "ждати").

Сам Зиновий считает, что глагол "чаяти" по своему значению вполне соответствует контексту, так как синонимами "чаяния" являются "надежда" и "упование". Глагол же "ждати", напротив, неадекватен контексту по выражаемому им значению. Ведь "ждут", по мнению Зиновия, непосредственно близкого со-

бытия,но "чают" – отодвинутого во времени, но не менее актуального в событийном плане. Так, живые ждут смерти, но чают воскресения (последующего смерти), в то время как усопшие ждут воскресения.

Таким образом, позиция Зиновия прямо противоположна точке зрения Максима, который считает, что глагол "чаяти" не выражает уверенности в факте ожидаемого события. И для Зиновия, и для вельмож-жидовствующих, и вслед за ними для Максима, объективным семантическим различием между "чаяти" и "ждати" является абстрактность/конкретность обозначаемого действия. "Чаяти" значит ждать неопределенное, непредсказуемое событие; "ждати" – ждать определенное, конкретизированное событие. Таким образом, более книжный глагол ("чаяти") выражает абстрактное значение, менее книжный ("ждати") – конкретное.

Однако это общее противопоставление трактуется у разных книжников различно. Максим связывает это противопоставление с событийным планом: значение непредсказуемости ожидаемого события, присутствующее в семантике глагола "чаяти", понимается Максимом как неуверенность в непреложности этого события, сомнение в том, произойдет оно или нет. В соответствии с таким пониманием член "Символа веры" в традиционном чтении ("чаю воскресения мертвым") имеет еретический смысл, который Максим ликвидирует заменой глаголов.

Для Зиновия же смысл традиционного чтения данного члена "Символа веры" – истинен, так как абстрактность значения глагола "чаяти", непредсказуемость ожидаемого события понимается Зиновием не в событийном, но временном плане. "Чаяти" значит ожидать удаленное во времени событие, с неопределенными сро-

ками осуществления; семантика глагола "ждати" включает представление о близком, конкретизированном событии. При этом Зиновий протестует против приписывания Максимом (и еретиками-жидовствующими) глаголу "чаяти" значения неуверенности в факте ожидаемого события, то есть Зиновий возражает против трактовки значения этого глагола в событийном плане.

Следует сказать, что семантическая дифференциация, предлагаемая как Зиновием, так и Максимом позднего происхождения: первоначально указанные глаголы различались не столько значением, сколько сферой употребления - "чаяти" -"книжная речь", "ждати" - "народная общая речь". По всей видимости, описанная семантическая дифференциация явилась следствием функциональной противопоставленности указанных глаголов.

Именно поэтому вторая претензия, высказанная Зиновием, связана с нарушением Максимом установленной в русской книжной традиции четкой границы между сферами употребления книжного языка (церковнославянского) и языка разговорного (русского), а именно - с введением Максимом в "Символ веры" (являющийся маркированно книжным текстом) нейтрального разговорного оборота с глаголом "ждати". Таким образом, спор о семантике глаголов "ждати" и "чаяти" является следствием различия позиций Максима и Зиновия по отношению к книжному языку.

Для Зиновия, русского книжника, сферы употребления книжного и разговорного языков резко разграничены, введение разговорного оборота в книжный язык воспринимается как нарушение органичной Зиновию сложившейся языковой традиции.

Максим же находился вне русской книжной традиции, так как процесс усвоения нового для него языка шел, конечно, не

только через церковнославянские тексты, но и через общение на разговорном языке. То есть, можно считать, что в восприятии Максима существовал единый славянский язык, и, таким образом, проблема смешения языков (церковнославянского и русского) не была для него столь значима, как, например, для русского книжника Зиновия. И потому нарушение сложившейся на Руси языковой традиции, вызванное первоначально, по всей видимости, недостаточным знанием Максимом русской языковой ситуации, не воспринималось им как нарушение.

Практика внесения в церковнославянские тексты элементов живого русского языка характерна и для более поздней деятельности Максима, и, следовательно, можно говорить об определенной языковой позиции. Так, при переводе "Псалтыри" 1552 г. Максим в некоторых случаях заменяет маркированно книжные слова и грамматические обороты на менее книжные, не противопоставляющие книжный язык разговорному.

I. Вместо архаических форм винительного падежа для имен существительных со значением одушевленности и местоимений вводятся формы родительного падежа:

	Традиционный текст	Перевод Максима [3]
Ш, 8	яко ты порази вся враждующая ми (л. I)	яко ты поразил еси всех враждующих мне (л. 2)
УП, II	помощь моя от Бога, спасающаго правыя сердцем (л. I об.)	помощь моя от Бога, спасающаго правых сердцем (л. 2 об.)

[3] Традиционный текст "Псалтыри" цитируется по списку к. ХУ в. – ГБЛ, ф. 304, № 46. Перевод Максима цитируется по рукописи к.

Традиционный текст	Перевод Максима
XX, IO Господь гневом своим смутить я (л. 3 об.)	Господь гневом своим смятет их (л. 4 об.)

2. Формы аориста 3 лица единственного числа Максим меняет на формы перфекта без связки:

Традиционный текст	Перевод Максима
XXXIX, 3-4 и возведе мя от рова страстей, и постави на камени нозе мои, и исправи стопы моя, и вложи во уста моя песнь нову (л. 6 об.)	и возвел мя от ямы злострадания, и поставил на камени ноги мои, и направил стопы моя, и вложил во уста моя песнь нову (ГИМ, Увар. № 85, л. 35)

3. Из перевода I552 г., в сравнении с традиционным текстом, часто изымаются формы двойственного числа:

Традиционный текст	Перевод Максима
УШ, 7 постави его над делы руку твоею (л. 2)	поставил еси его на дела рук твоих (л. 2 об.
IX, 35 да предан будеть в руце твои (л. 2)	яко предати его в руки твоя (л. 3)

4. Вместо энклитических форм дательного падежа личных местоимений первого и второго лица единственного числа ("ми", "ти") в переводе I552 г. употребляются полноударные формы ("мне", "тебе"):

ХУI - нач. ХУП в. ГПБ, Погод. № II43, содержащей выборку псалтырных стихов, переведенных Максимом отлично от традиционной редакции. При цитировании других списков шифр рукописи указывается в тексте статьи.

Традиционный текст	Перевод Максима
XI, 5 яко согрешихъ <u>ти</u> (л. 7)	яко согрешихъ <u>тебе</u> (ГИМ, Увар. № 85, л. 36 об.)
XXXIX, 2 потерпех Господа и внят <u>ми</u> (л. 6 об.)	потерпех Господа и внят <u>мне</u> (ГИМ, Увар. № 85, л. 35)

Вышеназванные примеры тем более характерны, что в более ранних переводах, например, в переводе "Толковой Псалтыри", выполненном ок. 1522 г., и др. Максим пользовался традиционными грамматическими конструкциями. Иначе говоря, при переводе "Псалтыри" в 1552 г. Максим как бы исправляет сам себя, и эти исправления носят целенаправленный нормализаторский характер. В основе нормализаторской деятельности Максима было, по всей вероятности, представление о некоторой модели славянского языка.

В нашу задачу не входит какое-либо более или менее полное описание данной модели, однако, важно подчеркнуть, что в ней игнорировалась реальная русская языковая ситуация сосуществования двух языков (церковнославянского и русского) и утверждалась действительность некоторого единого славянского языка. Учитывая филологическую подготовленность Максима и его лингвистические способности, необходимо признать, что эта модель была результатом оригинального лингвистического творчества Максима, и не имела аналогов в истории церковнославянского языка ХVI-ХVII вв.

Принятые сокращения

Зиновий Отенский, 1863 – Зиновий Отенский. Истины показание к вопросившим о новом учении, Казань, 1863.
Покровский, 1971 – Судные списки Максима Грека и Исака Собаки. Издание подготовил Н.Н.Покровский под редакцией С.О.Шмидта, М.1971
Сочинения Максима Грека, I–III – Сочинения преподобного Максима Грека, ч. I–III, Казань, 1859–1862.